

КОНЦЕПТОСФЕРА КНЯЗЯ МЫШКИНА

(анализ языковой личности в произведениях Ф.М. Достоевского)¹

Познавательная деятельность языка, активно описываемая современными лингвистами, реализуется через конкретных носителей языка. Исследование типов языковой личности через текстопорождение, концептов в системе культуры и ментальности народа представляется актуальным и необходимым этапом в совершенствовании знаний о языке и мышлении, образной деятельности человека в целом. При этом одним из перспективных направлений в лингвокогнитивистике признаётся изучение персонажей литературных произведений, которые, с одной стороны, характеризуют автора как языковую личность и позволяют создать его речевой портрет, а с другой, являясь «самостоятельными», представляют яркие типы возможных реализаций личности через текст.

Современное агрессивное состояние культуры и социума в целом требует обращения к истокам гуманизма и христианской любви, терпению и проявлению сострадания к человеку.

Примером ярчайшей христианской любви в русской литературе служит, напр., князь Мышкин, главный персонаж романа Ф.М. Достоевского «Идиот». При этом анализ персонажа художественного произведения как языковой личности даёт возможность «познания человека посредством литературных героев, создаваемых писателем» [Гинзбург, 1979: 4]. Идею исследования речи персонажа литературного произведения как языковой личности одним из первых представил В.В.Виноградов [Виноградов, 1959]. Эта идея получила дальнейшее развитие в работах М.М. Бахтина [Бахтин, 1975], который неоднократно обращался к постулату о самостоятельной ценности сознания персонажа. М. Бахтин при этом подчеркивал три главных момента:

- 1) речь персонажа в романе не просто передается, а «художественно изображается»;
- 2) «говорящий человек в романе – существенно социальный человек»;
- 3) «говорящий человек в романе – всегда в той или иной степени идеолог, а его слово всегда идеологема», связанная с «особой точкой зрения на мир» [Бахтин, 1975: 145 – 146].

Картина мира персонажа, его цели, намерения и установки выявляются через его монологи, реплики в диалогах и полилогах, через ретроспекцию, авторские ремарки и другие приёмы. Анализ языковой личности, по схеме Ю.Н. Караулова и следующих за ним исследователей

¹ В анализе и обработке материала принимала участие выпускница филологического факультета АлтГПА 2009 г. Тушина Екатерина.

(В.Е. Гольдин, В.П. Конечкая, Т.А.Толмачева, И.И. Халеева), предполагает выявление трёх уровней (инвариантный, когнитивный и прагматический), наиболее сложный из которых – третий, т.к. требует выявления мировоззрения человека через речевую деятельность.

Анализ речевых произведений (фрагментов) Льва Николаевича Мышкина позволяет представить его концептосферу следующими единицами (концептами): «любовь», «счастье», «вера», «страдание», «жизнь», «душа», «красота», которые в той или иной степени отражают философско-концептуальную картину мира Ф.М. Достоевского. Существенно подчеркнуть, что семантическое поле каждого из концептов обязательно накладывается, пересекается с другими полями через лексические группы, отражающие те или иные специфические стороны мировоззрения персонажа. Каждый концепт представлен в лексиконе князя Мышкина определённым набором лексических единиц, располагающихся от центра к периферии. Критерии отнесения лексем к ядру, центральной и периферийной зонам индивидуального семантического поля любой языковой личности представлены в работах К.З. Тарланова [Тарланов, 1995], Л.Н. Чурилиной [Чурилина, 2002], А.Ю. Богомолова [Богомолов, 2008], которые нами приняты за основу. Ядро поля традиционно составляют: слово, выражающее общее значение поля, лексемы, входящие в ближайшее понятийное окружение этого слова. Расположение единиц внутри семантического поля зависит от их семантической близости к общему значению поля, поэтому они могут находиться на разном расстоянии от ядра. Однако, как известно, выделение границ между частями поля (ядром, центром, периферией) оказывается условным, поскольку резкого перехода от ядра к центру и от центра к периферии не существует в силу семантических связей между лексическими единицами, составляющими концептуально-семантическое поле.

Реконструкция тезауруса (лингвокогнитивный уровень) языковой личности князя Мышкина позволяет представить основное содержание картины мира, мировоззренческих ценностей, значимых для понимания князя Мышкина как личности. Главные из них связаны с такими концептами, как **«счастье»**, **«любовь»**, **«страдание»**.

Достаточно убедительно в рамках первого концепта особо значимыми для персонажа представляются дети и связанный с ними круг понятий (*душа, спокойствие, внутренняя гармония, особое восприятие, знание жизни*). Концепт «счастье» представлен в лексиконе Л.Н. Мышкина такими лексическими единицами: *счастье, счастливый, самосознание, спокойствие, дети, отсутствие временных границ, радость, свет, красота, высший синтез жизни*. Индивидуальное семантическое поле **«счастье»** как языковой выразитель соответствующего персонажного концепта представляет собой достаточно

обширную понятийную сферу, важную для понимания мироощущения, мировоззрения князя Мышкина. Ядро данного индивидуального лексического поля представлено лексическими единицами «*высший синтез жизни*», «*усиленное самоощущение, самосознание*», «*внутренний свет*», связанными с выражением общего значения поля. Центр индивидуального семантического поля «**счастье**» представлен лексемами «*отсутствие временных границ*», «*свет*», «*радость*», «*дети*». На периферии оказываются слова «*красота*», «*спокойствие*», «*умиротворение*». Ярким примером описания переживания момента счастья является следующий фрагмент романа: «*Затем вдруг как бы что-то разверзлось пред ним: необычайный **внутренний свет** озарил его душу*» [Достоевский, 1978, ч.2, гл. V: 257]. Вероятно, счастье для Мышкина – это категория, которая больше проявляется имплицитно, на внутреннем, а не на внешнем плане мироощущения.

Однако князь сам себе задает вопросы и размышляет: «*<...> что ведь все эти молнии и проблески высшего самоощущения и самосознания <...> не что иное, как болезнь, как нарушение нормального состояния...»*, «*Что же в самом деле делать с действительностью?*» [Достоевский, 1973, VIII, ч. 2, гл. V: 188-189]. Соотношение лексем со значением «болезнь» – «здоровье (разум)», представляет состояние князя как неопишное счастье, которое он испытывает перед припадком и которое вызывает в нем сомнения насчет действительности и правильности, реальности этого состояния. Герой романа расценивает такое состояние как «подарок» от Бога и готов принять его. Князь определяет цену этому счастью: «*<...> эта секунда, по беспредельному счастью, им вполне ощущаемому, пожалуй, и могла бы стоить всей жизни*» [Достоевский, 1973, VIII, ч. 2, гл. V: 189]. Однако перевес оказывается все же на стороне ощущений, а не на стороне размышлений, разума.

Именно чувства, ощущения и их обозначения выходят на первый план при анализе языковой личности князя Мышкина.

Любовь Лев Николаевич ощущает не столько как привязанность, страсть, но как жалость, сострадание, свет. Пересечение концепта «**любовь**» с концептом «**счастье**» наблюдается на уровне таких макрообъединений, как *красота, свет, умиротворение*, которые практически в равной степени могут быть отнесены как к одному, так и к другому индивидуальному семантическому полю. Это еще раз подтверждает тот факт, что семантические поля не изолированы и взаимопроницаемы. При этом в мироощущении Льва Николаевича любовь – это жалость и сострадание (ср. замечание М. Воловиной: «Для Мышкина христианская любовь не есть нечто абстрактное, его сострадание – это своего рода страсть, поэтому прав Рогожин, замечая: «Вернее всего то, что жалость твоя еще пуще моей любви». Интересно, что предметом христианской любви-жалости Мышкина становится гордая

красавица, вызывающая у других персонажей романа совершенно иные чувства» [Воловинская, 2003]). На особую значимость сострадания в осознании персонажем любви указывает достаточно объемный лексический пласт, ядро которого представлено единицами «любовь», «сострадание», «жалость», т.е. лексемами, связанными с выражением общего значения поля; в центре находятся лексемы «красота», «свет», «привязанность», «счастье», а периферию наполняют «страсть», «мучение», «брак», «ревность», «злость» (причем эти слова характеризуют не собственное отношение князя к этому чувству, не то, как его переживает он сам, а то, чем это чувство, в его представлении, является для других героев романа).

Основной концепт языковой картины князя Мышкина – «страдание», включающий семантическое поле с лексическими единицами *несчастье, боль, болезнь, мрак* и т.д., реализуется в финале романа и заканчивается словами: *«...он вдруг понял, что в эту минуту, и давно уже, все говорит не о том, о чем надо ему говорить, и делает все не то, что бы надо делать, и что вот эти карты, которые он держит в руках и которым он так обрадовался, ничему, ничему не помогут теперь»* [Достоевский, 1973, VIII, ч. 4, гл. XI: 506]. Ядро семантического поля представлено единицами «страдание», «безумие», «боль», центр включает лексемы «мука», «ужас», «мрак», «несчастье», на периферии семантического поля концепта оказываются «болезнь», «порицание», «сумасшествие», «чужое». Мироззрение князя основывается на твердой уверенности в том, что в основе человеческих отношений должно лежать сочувствие, сострадание к ближнему, к каждому человеку. В этом отношении Л.Н. Мышкин и есть «положительно прекрасный человек».

Репертуар семантического поля каждого концепта основывается на выявлении текстовых лексико-тематических групп (ТЛТГ). Концепт «счастье» представлен следующими ТЛТГ: «**Дети**»: *дети, ватага, ребенок, совершенный, не утаивать, маленькие, знание, понимают, душа, доверчиво*; ТЛТГ «**Радость**»: *хорошо, доверчиво, счастливо, счастлива, счастье, надежда, уважение, умиротворение, смех, слезы*; ТЛТГ «**Любовь**»: *полюбить, любить, любовь, поцеловал, влюблен, целую, жалеть, свет*; ТЛТГ «**Самосознание**»: *самосознание, самоопределение, необыкновенный, ниша, место, проблеск, ум, сердце, жизненные силы, высочайшие минуты*; ТЛТГ «**Красота**»: *красота, молитва, необыкновенное, странное, загадка, сила*. Концепт «**любовь**» реализуется через ТЛТГ «**Сострадание**»: *жаль, жалеть, жалость, сострадание, сочувствовать*; ТЛТГ «**Красота**»: *единение, красота, молитва, необыкновенное, странное, загадка, сила*; ТЛТГ «**Страсть**»: *ревность, безумие, злость, мука, зарежет, соперничество*. Концепт «**страдание**» включает ТЛТГ «**Боль**»: *боль, болезнь, нездоров, безумие*; ТЛТГ «**Несчастье**»: *несчастье, страдание*; ТЛТГ «**Мрак**»: *идиотизм, ужас*,

чужое, сумасшествие, идиот; ТЛГГ «Порицание»: злоба, непонимание, нелюбовь, несчастлив.

Прагматикон в структуре языковой личности князя Мышкина, как и в структуре любой языковой личности, важен для понимания его «коммуникативной сети» [Караулов, 1987: 56]. Если говорить о первом выделяемом Ю.Н. Карауловым подуровне – деятельностно-коммуникативном, то здесь наиболее важными для представления князя Мышкина являются высокая степень готовности вести разговор с любым собеседником. Как показывает анализ диалогов главного героя с другими действующими лицами, в общении с ними данный персонаж проявляет искренность, открытость, лояльное отношение к партнеру по общению как к человеку со своими недостатками. Л.Н. Мышкин принимает людей такими, какие они есть, не судит их, не ставит своего мнения выше других. Простодушие, доброта, открытость, детская непосредственность – эти черты проявляются в общении князя Мышкина с другими людьми. Причем эти качества не используются им для каких-то специальных целей, а, напротив, присущи ему в любой коммуникативной ситуации, с любым собеседником. Напр., он одинаково открыто и честно ведет себя как в разговоре с Аглаей, так и в общении с Рогожиным.

Рассмотрение тезауруса и прагматикона языковой личности через систему концептов «счастье», «страдание», «любовь», «душа», «вера» и др. позволяет представить основные фрагменты картины мира князя Мышкина и коммуникативно-деятельностный характер его языковой личности.

Поэтапный анализ лексической структуры текста в аспекте представления языковой личности главного героя позволяет констатировать, что образ Льва Николаевича Мышкина воссоздан Ф.М. Достоевским как образ цельной личности, проявляющей себя во внутриличностной и внешнеличностной сферах. Однако значимый момент для понимания образа данного персонажа содержится в том, что хотя это и цельная личность, особенность заключается в ее отнесенности к социально-деструктивному типу, что объясняется болезнью главного персонажа, и это обстоятельство накладывает свой отпечаток на речь князя и его мировоззрение.

Библиографический список

1. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 500 с.
2. Богомолов, А.Ю. Языковая личность персонажа в аспекте психопоэтики: дис. ...канд. филол. наук / А.Ю. Богомолов. – Череповец, 2005. – 207 с.
3. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: ГИХЛ, 1959. – 328 с.

4. Воловинская, М. Неожиданное сближение: князь Андрей Болконский и князь Мышкин / М. Воловинская // Филолог. – 2003. – №3. – Электронный ресурс: <http://philolog.pspu.ru>. – Загл. с экрана.
5. Гинзбург, Л.Я. О литературном герое / Л.Я. Гинзбург. – Л.: Советский писатель, Ленинградское отд-ние, 1979. – 220 с.
6. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. VIII / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1973. – 511 с.
7. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: ГНОЗИС, 2004. – 389 с.
8. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
9. Тарланов, К.З. Методы и принципы лингвистического анализа / К.З. Тарланов. – Петрозаводск: ПГУ, 1995. – 244 с.
10. Чурилина, Л.Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры: дисс. ... д-ра филол. наук / Л.Н. Чурилина. – СПб., РГПУ, 2002. – 513 с.
11. Щенников, Г.К. Достоевский и русский реализм / Г.К. Щенников. – Свердловск: УрГУ, 1987. – 349 с.